

МОТИВАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ

По уголовному законодательству Украины для добровольного отказа мотивы значения не имеют, и в науке это не вызывало серьезных дискуссий. Еще более ста лет назад П. Лякуб писал: "Что бы ни послужило к этому побудительной причиной: раскаяние ли, сострадание ли, или уважение к закону, — это безразлично" (10, с. 41). Однако это не означает, что мотивы добровольного отказа не имеют никакого значения. К. А. Панько, например, считает, что выявление механизма образования мотивов добровольного отказа может способствовать эффективной и целеустремленной организации работы по предупреждению преступлений (12, с. 33), а Д. Е. Дядько предлагает обязательно исследовать мотивы добровольного отказа, так как "тем самым можно определить, действительно ли отказ от совершения преступления был добровольным и окончательным" (6, с. 34). Б.С.Волков полагает, что мотивы добровольного отказа играют роль в определении самой природы института добровольного отказа и в объяснении оснований, по которым лицо освобождается от уголовной ответственности (4, с. 102). Многие ученые при обосновании освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе ссылаются на мотивацию субъекта (2, с. 75, 76; 5, с. 19; 11, с. 80; 14, с.363). В некоторых УК мотивам при добровольном отказе придается большее значение. Так, в ч. 2 ст. 18 УК Монголии 1942 г. указано, что "суд обязан обсудить мотивы отказа" (15, с. 58) и принять их во внимание при установлении соответствующей меры наказания или освобождении лица от уголовной ответственности.

Связь добровольного отказа с его мотивами несомненна. Влияние норм УК о добровольном отказе на формирование мотивов поведения отмечалась и в старой литературе. Ещё А. Фейербах писал: "Если бы несчастный, ...позволивший покуситься на преступление, наперёд знал, что раскаяние¹ не принесет ему никакой пользы, то он не имел бы выгоды оставить покушение и нашел бы в самом законе побудительную причину к совершению преступления" (цит. по 16, с. 48). Как видим ученый выделяет два тезиса: наличие норм о добровольном отказе побуждает лицо к прекращению

¹ Термин "раскаяние" в науке XIX в. иногда применялся как синоним термина "добровольный отказ" (1, с. 71-78).

преступления; отсутствие таких норм, напротив, создает у субъекта дополнительный стимул это преступление совершить.

Проследим механизм взаимодействия добровольного отказа и мотивов поведения. Попытки объяснения данного механизма в науке уже имели место. К.А. Панько, например, и вслед за ним Д.Е. Дядько считают, что в мотивационном процессе человека, начавшего совершать преступление, основную роль в склонении его к добровольному отказу играют правовой и моральный барьеры (13, с. 7-9; 6, с. 48, 49). Такой подход вряд ли обоснован, так как для объяснения вопроса вводятся новые понятия – "правовой барьер" и "моральный барьер". Психология, занимающаяся изучением мотивации, не знает такой терминологии. Кроме того (и это видимо главное), введение новых терминов – процесс довольно ответственный, который допустим только в случае, когда наличная терминологическая база является неудовлетворительной. Психологическая наука имеет достаточную теоретическую базу по интересующему нас вопросу, и поэтому научные разработки и терминологию этой науки необходимо взять за основу.

Источником деятельности человека является потребность. Испытывая определенный недостаток в условиях, человек стремится его ликвидировать. Наличие потребностей – это естественное состояние любой живой системы, так как она не может существовать без взаимодействия с окружающим миром. Человек нуждается в чем-то, что лежит вне его организма и является предметом потребности (9, с. 171, 172). Потребности служат основой для возникновения мотивационных процессов. Мотивация является "родовым понятием для обозначения всей совокупности факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение на уровне психического отражения побуждений к жизненно необходимым целям, т.е. направляющих поведение на удовлетворение потребностей" (3, с. 6).

В процессе актуализации потребностей и порождения ими конкретных мотивационных побуждений можно выделить две основные фазы: мотивационной установки и эмоционального отношения. Если потребность актуализируется при отсутствии соответствующего ей предмета, формируется специфическое состояние мотивационной установки, означающее потенциальную готовность к активной реакции в случае его появления. Когда такой предмет появляется, к нему возникает эмоциональное отношение, которое, собственно, открывает субъекту потребностную значимость предмета (в виде положительной или отрицательной оценки) и

побуждает направить на него активность. Наличие в УК норм о добровольном отказе при условии, что о них субъект знает, формирует у него определенное отношение к ситуации добровольного отказа. Лицо понимает, что правовые последствия добровольного отказа выгодны для него. Такое знание ещё не оказывает влияния на непосредственное возникновение мотива добровольного отказа по той простой причине, что лицо не находится в обстановке совершения преступления. Но это знание имеет значение для правовой социализации личности, т. е. включение в её ценностно-нормативную систему тех ценностей, которые охраняются правом (7, с. 229). Такая ценностно-нормативная система является фундаментом правосознания субъекта. Правосознание определяет поведение человека, влияя на процесс формирования социально-правовых установок и мотивов, что имеет большее значение для адекватного отражения правовых ценностей в сознании лица. В обыденном правосознании знание права может заменяться бытовыми представлениями, индивидуальным опытом, традициями и обычаями, моральными нормами.

Преступление совершается для достижения каких-то необходимых человеку целей. Постановка целей является первым этапом на пути развития волевого действия. Она предполагает не только осознание результата, но и определение средств и способов его достижения, а также представление об условиях и обстоятельствах, в которых эта цель будет осуществляться. Фактическая деятельность по достижению цели в большинстве случаев не совпадает с первоначальными представлениями о ней. Это вызывается как индивидуальными особенностями личности, так и общими закономерностями отражения действительности в сознании человека. Воображаемые события обладают меньшей эмоциогенностью по сравнению с реально наблюдаемыми (3, с. 112-116). Поэтому оценка собственного эмоционального отношения к ситуации совершения преступления до начала преступной деятельности и во время её осуществления различаются между собой. Человеку довольно сложно представить себе, как будут проявляться его мотивационные установки в определённой реальной ситуации. Так, лицо может заблуждаться относительно того, что вид жертвы не вызовет в нём сожаления и это не станет препятствием к завершению преступления. В действительности же эмоция жалости к жертве вместе с начавшей проявляться установкой на добровольный отказ могут привести к возобладанию мотива такого отказа. Чтобы

наглядно проследить влияние норм УК о добровольном отказе на поведение человека, представим себе, что такие нормы отсутствуют. Очевидно, что в этом случае внутренние силы, направляющие поведение человека на прекращение преступления, гораздо слабее и это может привести к продолжению и окончанию преступной деятельности.

Можно говорить о регуляционном влиянии норм о добровольном отказе не только на поведение отдельного человека, но и опосредованно, т. е. через его поведение на сознание других людей. Для наглядности представим следующую ситуацию: группа лиц договорилась о совместном совершении преступления. При подготовке к преступлению некоторые из них добровольно отказались продолжать преступные действия и даже сделали попытку отговорить остальных. Безусловно, это обстоятельство окажет влияние на других участников. Если в действиях отказавшихся есть все признаки добровольного отказа, они подлежат освобождению от уголовной ответственности и эти правовые последствия не могут остаться за пределами внимания остальных участников преступления.

Следовательно, добровольный отказ при соучастии имеет определённые мотивационные особенности. Совершая преступление с сообщниками, субъект связан с ними определёнными отношениями, которые корректируют его поведение. Такая ситуация затрудняет возможность осуществления добровольного отказа. Во-первых, при групповом совершении преступления ответственность за происходящее делится как бы между всеми. Соучастника возможность привлечения к уголовной ответственности не так пугает как "преступника-одиночку" потому что на миру, как говорится, и смерть красна. Эти обстоятельства затрудняют проявление установки на добровольный отказ отдельным лицом. При совместном совершении преступления происходит эффект усиления преступных мотивов за счёт того, что рядом находятся единомышленники. Собственное желание совершить преступление подкрепляется стремлениями к той же цели и остальных. Во-вторых, отступить от задуманного преступления одному человеку гораздо проще, нежели находясь в группе. Обдумывая возможность прекращения преступной деятельности, "преступник-одиночка" ставит на весы желаемый преступный результат и риск быть наказанным. У соучастника на эту чашу ложится ещё и возникающий в случае добровольного отказа личностный конфликт между ним и остальными соучастниками. Возможность такого

конфликта частично нейтрализует положительную мотивацию. Если желание отказаться от совершения преступления или вообще от преступной жизни возникает у лица, которое уже давно связано с преступным миром, ситуация осложняется ещё и поведенческими нормами так называемой преступной субкультуры. Среди преступников такое поведение расценивается как предательство. Известно, что с точки зрения общечеловеческой морали предательство осуждается. Таким образом, можно говорить о возникновении в рассматриваемом случае своеобразной связи поведенческих норм преступной субкультуры с основными моральными нормами. Отрицательная оценка лицом предательства порождает мотивы, противодействующие реализации добровольного отказа.

Факт добровольного отказа, если кто-то всё же решился на него, ослабляет общую групповую преступную мотивацию, вносит элемент дезорганизации. В структуре мотивации поведения участников создается дополнительное звено, противодействующее и ослабляющее мотивы, побуждающие к совершению преступления. В ряде случаев это может привести и к окончательному отказу их всех от завершения преступления, а если даже некоторые соучастники всё же будут продолжать преступную деятельность, её общественная опасность уже будет гораздо меньшей. Здесь нормы добровольного отказа, оказав воздействие на одного человека, разрывают систему социальных связей соучастников.

Следует иметь в виду, что поведение человека регулируется сложной иерархической системой мотивов. Мотивация человеческого поведения – явление динамичное, находящееся в постоянном изменении, преобразовании. В ходе деятельности одни мотивы возникают, усиливают друг друга, другие, напротив, нейтрализуются. Одни и те же обстоятельства оказывают различное воздействие на разных людей. Это объясняется тем, что вызывают определённые мотивы не обстоятельства сами по себе, а субъективная оценка этих обстоятельств, обусловленная индивидуальными свойствами личности.

Итак, несмотря на известную сложность мотивационных процессов и достаточную трудность их изучения и прогнозирования, можно всё же говорить о несомненном положительном влиянии на эти процессы института добровольного отказа. Мотивационное воздействие, которое оказывает институт добровольного отказа, является лишь частью общей системы мотивационного влияния правовых норм на поведение человека. Уголовное право для

достижения поставленных перед ним задач применяет различные способы и приемы. Это, в частности, установление уголовной ответственности за приготовление и покушение и в то же время освобождение от такой ответственности при добровольном отказе. Угроза наказания за начатое преступление преследует цель удержать лицо от совершения преступления ещё до его начала, а возможность освобождения от уголовной ответственности создает дополнительную мотивацию к прекращению преступления. Пока человек не приступил к выполнению задуманных преступных действий, он находится под угрозой возможности наступления ответственности. Перед началом преступления это может оказать наиболее эффективное воздействие на человека и не допустить в нём преобладания преступной мотивации. Именно тогда в полной мере сравниваются выгоды, получаемые от совершения преступления, и реальная угроза уголовного наказания. Особенность человеческой психики такова, что если уже лицо начало совершать преступление, то само выполнение таких действий усиливает преступную мотивацию (8, с. 75, 76). И вот в этих условиях всё более действенным становится институт добровольного отказа. Предоставляя лицу возможность избежать уголовной ответственности, он включает новые социально полезные механизмы мотивации. Тем самым нормы о добровольном отказе входят в систему мотивационных норм и играют определённую роль в решении превентивных задач всего уголовного права.

Список литературы: 1. Баршев С. О мере наказаний. – М.: Универс.тип., 1840. – 279 с. 2. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава, 1870. – 362 с. 3. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 228 с. 4. Волков Б.С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально психологическое исследование). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с. 5. Гуляев П. Российское уголовное право. Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Департ. Внеш. Торговли, 1833. – 250 с. 6. Дядько Д. Е. Добровольный отказ от совершения преступления по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1973. – 196 с. 7. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М.: Юристь, 1996. – 631 с. 8. Круглевский А.Н. Учение о покушении на преступление. – Т. 1. – Петроград: Тип. М.П.Фроловой (влад. А.Э. Коллинс), 1917. – 429 с. 9. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций: Тексты. – 2-е изд. / Под ред. В.К.Вилюнаса, Ю.Б. Гипшенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С.171-180. 10. Лякуб П.О. О покушении на преступление по началам теории и современным законодательствам. – СПб.: Тип. О.И.Бакста, 1866. – 67 с.

11.Набсков В.Д. Психическая оценка виновности и объективная мера наказуемости покушения / Сб. ст. по уголов.праву. – СПб.: Тип.тов-ва. «Обществ.польза», 1904. – 316 с. 12. Панько К. А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 148 с. 13. Панько К. А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1972. – 16 с. 14. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд. А. А. Карцева, 1912. – 654 с. 15. Ратовский. О покушении на преступление. – Казань: Универс.тип., 1842. – 112 с. 16. Уголовный кодекс МНР // Уголовное законодательство зарубеж. соц. государств: КНР, КНДР, МНР, ДРВ. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 55-80.

Орловський Р.С.

ДО ПИТАННЯ ВДОСКОНАЛЕННЯ ЗАКОНОДАВЧОГО ВИЗНАЧЕННЯ ПОСОБНИКА

Процес реформування кримінального законодавства, приведення його у відповідність з новим соціально-економічним рівнем розвитку України поставили перед наукою кримінального права завдання вдосконалення багатьох кримінально-правових норм, у тому числі і норм про співучасть. Зокрема, потребує свого переосмислення законодавче визначення пособника. Частина 6 ст.19 КК України визначає пособника як особу, “яка сприяла вчиненню злочину порадами, вказівками, наданням засобів або усуненням перешкод, а також особа, яка заздалегідь обіцяла сховати злочинця, знаряддя і засоби вчинення злочину, сліди злочину або предмети, добуті злочинним шляхом” (4, с.15). З наведеного законодавчого визначення видно, що основною функцією пособника є сприяння вчиненню злочину. Перелік способів, якими пособник може сприяти цьому, має вичерпний характер. Ця обставина істотно обмежує можливість визнання пособниками і притягнення до кримінальної відповідальності тих осіб, які сприяють вчиненню злочинів способами, не передбаченими ч.6 ст.19 КК України.

Однак судовій практиці відомі й інші, не передбачені кримінальним законом, способи сприяння вчиненню злочину. Свого часу ще Пленум Верховного Суду СРСР від 31 липня 1962р. у постанові “Про судову практику у справах про заздалегідь не обіцяне приховування злочинів, придбання і збут завідомо